

«НЕ ГНЕТСЯ, НЕ ЛОМАЕТСЯ...».
АРХИТЕКТОР НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЧИНСКИЙ
И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХИВЕ ГАИМК¹

Н. А. ЛАЗАРЕВСКАЯ, М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *Н. М. Бачинский, ГАИМК, архитектура, реставрация, Средняя Азия, Научный архив, рукописные и фотографические документы.*

В 1920–1930-х гг. Академия истории материальной культуры вслед за своей предшественницей, Императорской археологической комиссией, продолжила активные работы в Средней Азии. Архитектор Николай Михайлович Бачинский работал по заданию Академии истории материальной культуры в Средней Азии в 1930-е гг., но его имя практически не упоминается в публикациях, посвященных деятельности учреждения, а собранные им материалы изданы только частично. В Научном архиве ИИМК РАН в фондах ГАИМК хранятся документы, связанные с его научной деятельностью, рукописи статей и фотоколлажи с уникальными снимками памятников Узбекистана и Туркмении конца 1920-х — 1930-х гг. (рис. 3–6). Публикация этих материалов позволит ввести в научный оборот результаты работы авторитетного архитектора и реставратора, исследования которого получали высокую оценку его современников.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-187-200

В 1920–1930-е гг. Академия истории материальной культуры вслед за своей предшественницей, Императорской археологической комиссией, продолжила активные работы в Средней Азии и достигла немалых результатов (Алёшкин 2013: 100–128; Якубовский 1940; Длужневская, Кирчо 2009). Исследователями были собраны многочисленные ценные материалы по истории, археологии, этнографии, архитектуре и искусству древних культур. Отдельные страницы этой плодотворной деятельности до сих пор остаются не раскрыты. Архивные документы в составе рукописного и фотографического фондов РАИМК–ГАИМК продолжают безмолвно хранить драгоценные свидетельства самоотверженной научной работы тех лет, а также неизвестные факты биографий самих исследователей.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Научный архив, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. Дружеский шарж на Н. М. Бачинского из рисовального фильма ГАИМК «На распутьи», подготовленного к 1 мая 1936 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 87. Л. 40)

Fig. 1. Friendly caricature of N. M. Bachinsky from the cartoon named “At the crossroads” that was prepared at the State Academy of the History of Material Culture in observance of the May 1 holiday (Scholarly Archive of IHMC RAS. Manuscript Dept. Fund 30. Inv. 1. F. 87. L. 40)

К таким замечательным специалистам по изучению и реставрации памятников средневекового зодчества можно отнести архитектора Николая Михайловича Бачинского (рис. 1). Он работал по заданию Академии истории материальной культуры в Средней Азии в 1930-е гг., но его имя практически не упоминается в публикациях, посвященных деятельности учреждения, а собранные им материалы изданы только частично (Длужневская 2010; Бачинский 1939). В архиве ИИМК РАН в фондах ГАИМК хранятся документы его научной деятельности, рукописи статей и фотоколлекции с уникальными снимками памятников Узбекистана и Туркмении конца 1920 — 1930-х гг. С 1933 по 1937 г. Н. М. Бачинский работал в Институте исторической технологии (Платонова 2018), существовавшем в структуре Академии истории материальной культуры. В личном деле исследователя сохранилось несколько вариантов автобиографии, на основе которых можно проследить его жизненный путь и развитие научной карьеры вплоть до 1937 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43).

Биография Бачинского, яркого представителя своей эпохи, сама по себе весьма примечательна и могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа.

Родился он 7 декабря 1896 г. в г. Новозыбково Черниговской губ. Отец будущего архитектора был мелким железнодорожным служащим. Как политически неблагонадежного его часто переводили с места на место. Николай посещал начальную школу в Климове и Карховке Черниговской губ., затем окончил среднюю школу и реальное училище. Бачинский учился бесплатно благодаря тому, что его дед, николаевский солдат, принимал участие в обороне Севастополя в Крымскую войну, а внуки таких солдат освобождались от платы за обучение. Отец умер в 1911 г., когда мальчик учился в 5-м классе. Уже в то время Николай начал зарабатывать уроками, чтобы помочь своей семье, где он был старшим среди двух братьев и трех сестер. В 1914 г. после окончания реального училища Бачинский продолжал давать уроки. Он решил накопить немного денег и затем поехать в Санкт-Петербург поступать в Институт гражданских инженеров или в Академию художеств. Но началась Первая мировая война, и вместо поступления он уже в сентябре 1914 г. оказался в 83-м запасном пехотном батальоне в Витебске, а в октябре — на фронте в 106-м пехотном Уфимском полку (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 3–3об.).

В ноябре Н. М. Бачинский был ранен в руку и отправлен лечиться в лазарет в Ригу. В январе 1915 г. его выписали и снова отправили на фронт, а уже в феврале, в «августовских лесах»³, он был опять ранен, оставлен при отступлении и подобран немцами. Так Бачинский попал в плен. Сначала он полгода пролежал в лазарете, где судьба свела его с раненым немецким солдатом, учителем в мирной жизни. Все это время немец усердно занимался с ним немецким языком, так что выписанный из лазарета Бачинский совершенно свободно говорил по-немецки⁴. Его перевели в лагерь военнопленных, где немцы назначили Бачинского переводчиком роты военнопленных земляков. После того как произошли русская и германская революции, Н. М. Бачинский в 1918 г. был освобожден из плена и приехал в Берлин, «имея 130 марок денег, заработанных работой у помещиков, бравших военнопленных для сельскохозяйственных работ» (Там же: л. 5). В Берлине в тот момент очень сильно «ощущался недостаток в мужских рабочих руках», и поэтому он быстро нашел работу, несмотря на отсутствие каких бы то ни было знакомых (Там же). Бачинского взяли работать на склад лесных материалов автомобильного завода AGA. Вскоре он был переведен в столярный цех для работы на ленточной пиле, сначала подручным, а позже самостоятельным пильщиком. В то же время он по-прежнему мечтал получить дальнейшее образование и начал посещать открытые лекции в высших школах Берлина, особенно его привлекала Академия художеств. Через некоторое время по совету цехового инженера Н. М. Бачинский обратился в Министерство просвещения Пруссии с просьбой о возможности поступления в Высшую техническую школу в Шарлоттенбурге (ныне Берлинский технический университет). Он с успехом прошел испытательную комиссию, состоявшую из преподавателей различных высших школ Берлина, и был принят на строительный факультет Высшей технической школы. Одновременно он продолжал работать на заводе, где его перевели в отдел внутренней отделки автомобилей. Там ему доверили полировку дерева, а затем и составление эскизов для внутренней отделки автомобилей. В 1921 г.

³ Речь идет об Августовской операции германской армии в январе–феврале 1915 г., в ходе которой русская армия понесла тяжелые потери.

⁴ В 1930-х гг. Н. М. Бачинский уже сам преподавал немецкий язык аспирантам ГАИМК.

Рис. 2. Ленинград, реставрация Адмиралтейства, яблоко шпиля. На лесах — Н. М. Бачинский, фото 1927 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3565-122)

Fig. 2. Leningrad, restoration of the Admiralty, spire finial. N. M. Bachinsky is standing, 1927 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.3565-122)

Бачинский поступил на философский факультет Берлинского университета, где слушал лекции по истории искусства. Далее он планировал перевестись на архитектурный факультет Академии художеств и уже начал посещать там бесплатные рисовальные классы с 1922 г. (Там же: л. 5об.), но этим планам не суждено было сбыться.

Все эти годы в Германии он стремился вернуться домой, в Россию. Наконец, в 1924 г. Н. М. Бачинский получил визу в консульском отделе Полпредства СССР и возвратился на родину, где его ждала совсем другая жизнь. Работу в родном маленьком городке ему удалось найти далеко не сразу. С огромным трудом он поступил в исполком в отдел народного образования, где ему пришлось заниматься скучными канцелярскими делами, вести статистику и переписку. Такая жизнь не устраивала деятельного молодого человека, и он в поисках работы по специальности уехал в Ленинград. В 1927 г. Н. М. Бачинский наконец-то нашел то, что искал. Его взяли работать в Ленинградские государственные реставрационные мастерские (ЛГРМ) Главнауки. На службе в ЛГРМ он принял участие в масштабных

реставрационных работах Адмиралтейства (рис. 2), отремонтировал церковь Дмитрия Солунского в Старой Ладогe, а в 1928 г. Н. М. Бачинского командировали в распоряжение Средазкомстариса⁵. Сначала он реставрировал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестан, а позже участвовал в изучении и консервации башни Бурана в Киргизии. С этого времени начинается его страстное увлечение древней архитектурой Средней Азии.

В 1929 г. ленинградские реставрационные мастерские были упразднены вместе с Главнаукой, а Н. М. Бачинский остался работать в Средней Азии в Бухарском отделении Узбекстанского комитета по делам памятников культуры и природы. С 1929 по 1933 г. по поручению Комитета он каждый год с апреля по ноябрь занимался ремонтно-реставрационными работами на архитектурных памятниках города-музея Бухара. Среди них он указывал в своей автобиографии медресе Кукельташ⁶, медресе Мир-и Араб, медресе Абдул-Азиз-хана, медресе Мирзо Улугбека, медресе Абдулла-хана, медресе Модари хан, мавзолей Исмаила Самани, мавзолей Сайфиддина Бохарзи, мечеть Магоки-Аттари, Дарваза Ширгарон, дворец в Ситораи-Мохи-хоса, мечеть Баянд, мечеть Намазга, мечеть Калян, Так-и-Саррафан, медресе Гаукушан (Там же: л. 6). В 1935 г. профессор Б. П. Денике, неоднократно посещавший работы Н. М. Бачинского на местах (Алпаткина 2006: 69, 82, 88) и состоявший в приемной комиссии по оценке реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, писал о «21 памятнике материальной культуры Средней Азии», где молодой архитектор производил ремонтно-реставрационные работы в 1928–1934 гг. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33, 52). За несколько лет постоянной кропотливой работы Н. М. Бачинский стал отличным специалистом в области истории и реставрации средневековой архитектуры Средней Азии. В эти же годы он выполнил и несколько проектов современных зданий по заказам местной администрации. По проектам Бачинского были построены здание оперативного сектора ОГПУ в Бухаре, швейная фабрика Народного комиссариата легкой промышленности в Сталинабаде, шелкоткацкая фабрика и завод консервирования фруктов и плодов в Бухаре (Там же: л. 6об.). В ноябре 1933 г. «ввиду обострившейся малярии» Н. М. Бачинский уволился по собственному желанию из Бухарской комиссии по делам старины и искусства и вернулся в Ленинград, а в феврале 1934 г. его зачислили сотрудником в Институт исторической технологии (ИИТ) ГАИМК, где он состоял сверхштатным сотрудником уже с февраля 1933 г. В 1934 г. он продолжил свое образование и начал посещать в Ленинграде Школу высшего архитектурного мастерства при Всероссийской академии художеств по направлению реставрации и охраны архитектурных памятников (Там же: л. 26об.).

К периоду работы архитектора в Бухкомстарисе⁷ и началу его деятельности в ГАИМК относится один из фотоальбомов из архивного собрания ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1056), первые отпечатки из которого поступили в фотоархив ГАИМК в 1935 г. Более 60 фотографий запечатлели общие виды, стены, ворота и улицы древнего города (рис. 3), местных жителей, удивительные

⁵ Среднеазиатский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.

⁶ Названия памятников даны в соответствии с написанием в отчетах Н. М. Бачинского.

⁷ Бухарская комиссия по охране памятников старины и искусства.

архитектурные памятники Бухары и округи, резные элементы деревянных конструкций жилых построек и мечетей. Снимки позволяют увидеть различные достопримечательные места Бухары в период первой половины 1930-х гг. и оценить степень сохранности исторических памятников в тот момент. Существенная часть фотографий посвящена реставрации монументальных памятников Бухары в 1933–1934 гг. под руководством Н. М. Бачинского. Исследования выполнялись по заданию и при поддержке Бухкомстариса, одновременно они соответствовали плану научной работы архитектора в ИИТ ГАИМК. Н. М. Бачинский подготовил описание этих работ к публикации в сборнике ГАИМК⁸, но статья «Ремонтно-реставрационные работы по монументальным памятникам материальной культуры Медресе Мирза Улугбек, мечети Магок-и-Аттари и мечети Намазга в Бухаре (предварительное сообщение)» так и осталась неизданной. Фотографии, сделанные в процессе реставрации памятников, вошли в вышеупомянутый фотоальбом из хранения фотоотдела Научного архива ИИМК РАН, а несколько снимков сопровождают непосредственно рукопись статьи Н. М. Бачинского, сохранившейся в архивном фонде ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815. Л. 99–110). Во вступительной части статьи Н. М. Бачинский раскритиковал применявшийся до революции на памятниках Бухары «штукатурный» ремонт, с которым реставраторам пришлось столкнуться в процессе расчистки стен, когда любые дефекты и повреждения просто замазывали очередным слоем ганча, не считаясь с наличием декоративных элементов (Там же: л. 99–100). Самим Н. М. Бачинским в Бухаре начала 1930-х гг. наиболее значительные работы были проделаны в медресе Мирзо Улугбека (рис. 4, 1). Реставрация началась в мае 1933 г. и продолжалась семь месяцев. Надзор и ремонт памятника бывшими хозяевами медресе архитектор также признал неудовлетворительными: «Из расспросов старых бухарских мастеров можно довольно точно воспроизвести процесс таяния сумм, предназначавшихся для расходов по ремонту. Рабочий получал мизерную зарплату деньгами (от 1 до 1,5 тенге), обед натурой и обязательный халат по окончании работ. Даже уже выданная для расплаты с рабочими сумма оставляла заметный след в кармане старшего мастера. Естественно, если даже и первоначально ассигнованная сумма и была достаточна для данного ремонта, то к моменту производства работ она значительно уменьшалась, что влияло на качество и количество выполненных работ» (Там же: л. 100–101).

В процессе работ 1933 г. стены медресе Мирзо Улугбека были расчищены от многочисленных слоев штукатурки, декоративная облицовка закреплена или заменена, восстановлен жгут по обрезу арки портала. Особенно тяжело далась реставраторам расчистка фасадной части, содержащей майоликовую и мозаичную части. Пришлось даже разработать специальный инструмент для такой тонкой работы, чтобы не поцарапать поверхность хрупких декоративных элементов при расчистке. Процесс изготовления шлифованного кирпича для восстановления декоративных

---

⁸ Сборник собирался в 1935 г. в память талантливого молодого востоковеда, сотрудника ГАИМК Алексея Алексеевича Некрасова. Он принимал участие в экспедициях в Мерв и Куния-Ургенч под руководством А. Ю. Якубовского в конце 1920-х гг., по воспоминаниям коллег был совершеннейшим энтузиастом своего дела, скоропостижно скончался в 1932 г. в возрасте 23 лет. Н. М. Бачинский тоже успел поработать с ним и подготовил в сборник статью о своих исследованиях на архитектурных памятниках древней Бухары в 1933–1934 гг.

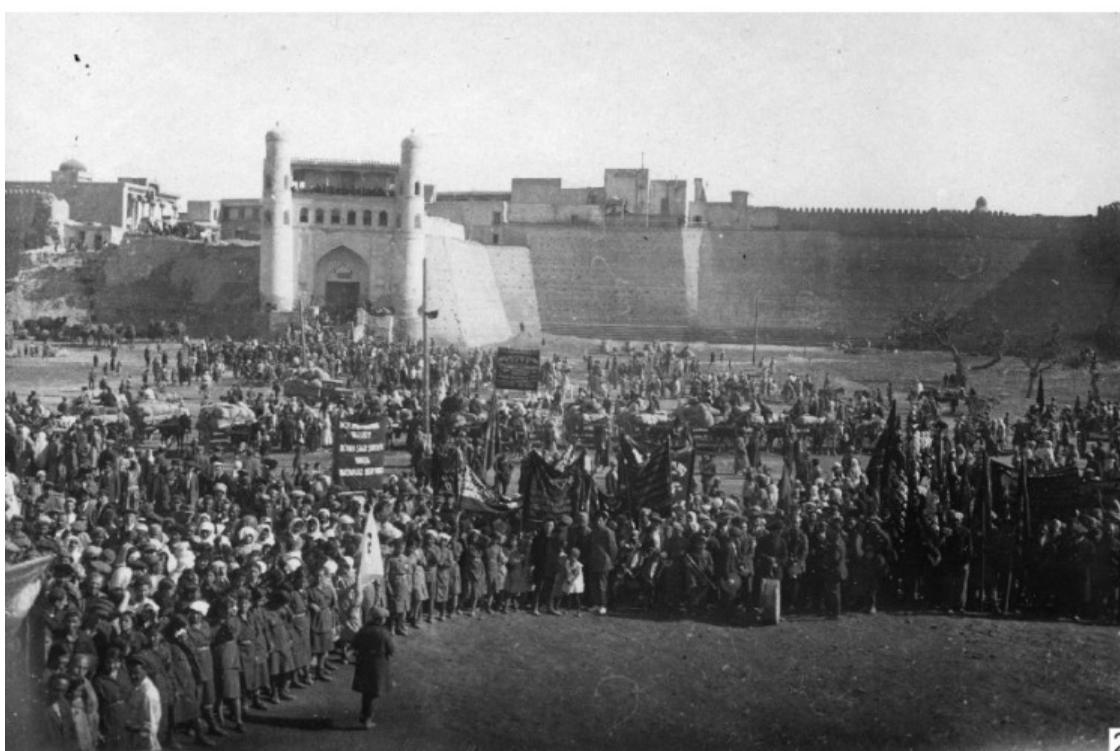

Рис. 3. 1 — Бухара, общий вид города с минарета Калян, фото 1934 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-11); 2 — митинг в Бухаре, фото 1933 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-20)

Fig. 3. 1 — Bukhara, general view from the Kalyan minar, 1934 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-11); 2 — meeting at Bukhara, 1933 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-20)

Рис. 4. Бухара: 1 — реставрационные работы на главном портале медресе Мирзо Улугбека, фото 1933 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-42); 2 — мастера за шлифовкой кирпичей во время реставрации мечети Магок-и-Аттари, фото 1934 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-53)

Fig. 4. Bukhara: 1 — restoration works on the main portal of Ulugbek's medrese, 1933 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-42); 2 — workers smoothing the surface of bricks during the restoration of the Magok-i-Attari Mosque, 1934 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-53)

Рис. 5. Бухара, мечеть Магок-и-Аттари, центральный купол после расчистки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815. Л. 143)

Fig. 5. Bukhara, Magok-i-Attari Mosque, central dome after cleaning (Scholarly Archive of IHMC RAS. Manuscript Dept. Fund 35. Inv. 2. F. 1815. L. 143)

элементов также оказался трудоемким, так как кирпичи делались и шлифовались исключительно по старой технологии под жестким контролем старых мастеров (рис. 4, 2). К концу работ реставраторам также удалось усовершенствовать технически метод шлифовки, что позволило ускорить выполнение работ. Все этапы и методику реставрации медресе Н. М. Бачинский подробно описал в своей статье, а фотографии из его коллекции прекрасно визуализируют весь процесс.

Реставрационные мероприятия в мечети Магок-и-Аттари проводились Н. М. Бачинским по плану Бухкомстариса весной 1934 г. Финансирование было незначительным, исследования носили рекогносцировочный характер для определения сложности и объема дальнейших работ по раскрытию ценного памятника архитектуры XII в., который к тому времени почти полностью оказался скрыт культурными напластованиями. Перепланировка Бухары уничтожила «торговые помещения, окружавшие Мечеть-и-Магок» и показала «во всей неприглядности первоклассный памятник, вросший глубоко в землю и обезображенный грубыми ремонтами» (Там же: л. 110). Н. М. Бачинский с рабочими начал расчистку стен, центрального и восточного куполов мечети для исследования кладки и анализа степени сохранности памятника (рис. 5), также они виртуозно произвели ручную выпрямку накренившегося главного портала. Раскопками были открыты части

архитектурного сооружения на 1,5 м в глубину. В результате выяснилось, что нарастание культурного слоя закрыло мечеть на 4 м (Там же). В мечети Намазга в том же году Н. М. Бачинский занимался ремонтом одного из куполов, а также произвел укрепление северной стены и частичное удаление лишних слоев штукатурки, появившихся после «любительских ремонтов». В отчете архитектор писал, что «число слоев этих штукатурок превзошло все ожидания» — на одной из стен реставраторы при расчистке насчитали 18 таких слоев (Там же: л. 112).

Подводя итоги своих работ 1933–1934 гг., Бачинский подчеркивал, что «изучение этих памятников, значительных по своим художественным достоинствам, происхождению и историческому или археологическому значению <...> приобретает особое значение в связи с проблемой использования забытых приемов старых зодчих, приемов, зачастую поражающих своей простотой решения задач технического и эстетического порядка» (Там же: л. 113). К проблеме использования опыта предшественников он неоднократно обращался в своих исследованиях в последующие годы. Изучение приемов и методов средневековых мастеров в строительстве и применение их в современной архитектурной практике стали одним из основных лейтмотивов его научной работы, этому же была посвящена и докторская диссертация Бачинского.

Научный вклад архитектора в изучение и сохранение памятников архитектуры Средней Азии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. был высоко оценен специалистами, и в 1936 г. по рекомендации ГАИМК Бачинскому присвоили степень кандидата наук без защиты диссертации (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 55). Используя позитивный опыт многолетней работы Бачинского, Академия истории материальной культуры планировала продолжить реставрацию архитектурных памятников в Бухаре и в других местах в последующие годы.

В 1936 г. Узбекстанская комплексная экспедиция была заявлена в план полевых исследований ГАИМК как основной научный проект Института исторических технологий на этот год. Работы положили бы начало систематическому историко-техническому изучению Средней Азии во главе с Академией. Институт исторических технологий поставил своей задачей перейти от «пассивных» лабораторных исследований уже «готовых музейных коллекций» к проведению собственной экспедиции для сбора «специальных вещественных доказательств, позволяющих вскрыть историко-технические корни материальной базы изучаемого общества». Исследования в Бухаре должны были стать центральной частью большой историко-технологической Узбекстанской экспедиции Института исторических технологий совместно с научными учреждениями Узбекистана. Н. М. Бачинского назначили заместителем начальника⁹ всей экспедиции, и в 1935–1936 гг. он занимался предварительными переговорами с местными организациями о ее подготовке. Планировалось произвести исследования средневековой керамики, красителей ткани, металлических изделий, текстиля, систем водоснабжения, строительных материалов и конструкций монументальных памятников зодчества и военных сооружений, найти средневековые

⁹ Начальником экспедиции был назначен сотрудник Института исторических технологий историк техники В. В. Данилевский. В состав участников должны были войти М. В. Фармаковский, А. Ю. Якубовский, А. А. Иессен, М. Е. Массон, В. А. Шишкин, М. Ю. Саиджанов и другие специалисты из Ленинграда, Бухары, Самарканда, Ташкента (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 212. Л. 21–22).

Рис. 6. Анау, мечеть XV в., укрепление облицовки ложной арки на правой стороне портала, фото 1936 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1228-49)

Fig. 6. Anau, mosque of the XV c., strengthening the facing of a corbel arch on the right side of the portal, 1936 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1228-49)

и современные источники сырья, а также попытаться изучить и восстановить производственные процессы и древние техники, сохранившиеся еще к тому времени в быту и используемые старыми мастерами, определить особенности реставрации в местных климатических условиях (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 212. Л. 1–22). Через несколько лет комплексных исследований результаты предполагалось опубликовать в специальной серии монографий по истории материальной культуры Узбекистана. Возможности организации экспедиции, состав, цели, задачи и территория охвата обсуждались в течение длительного времени всеми заинтересованными сторонами (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 100. Л. 212), но этот грандиозный проект так и остался на бумаге из-за проблем финансирования.

В итоге в 1936 г. Н. М. Бачинского командировали в Туркмению для проведения реставрационных работ в Анау и Мерве, где он руководил экспедицией Института истории при ЦИК Туркменской ССР. В течение 4,5 месяцев под его наблюдением были проведены консервационные и исследовательские работы в Старом Мерве в мавзолеях Мухаммеда ибн-Зейда¹⁰ и султана Санджара. В Анау Бачинский занимался ремонтом кровли и укреплением облицовки центрального портала мечети XV в. (рис. 6). Последние две недели командировки он реставрировал облицовку памятника В. И. Ленину в Ашхабаде по поручению правительственной комиссии Туркмени (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 211. Л. 152). На протяжении всей поездки Н. М. Бачинским производилась фотофиксация, и в результате в архиве ГАИМК сложился небольшой, но ценный фотографический комплекс документов. Всего 68 отпечатков и негативы к ним поступили в 1937 г. в фототеку Академии (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1228). В 1937 г. Н. М. Бачинский продолжил свои работы в древнем Мерве, а также принял участие в обследовании и фиксации древних жилых домов на территории древнего Термеза (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 74).

По архивной документации Н. М. Бачинский уволился из ГАИМК в 1937 г. по собственному желанию. Возможно, его увольнение было связано с реформацией ГАИМК, переходом всех ее структур в Академию наук с последующей ликвидацией Института исторической технологии, где работал архитектор.

По воспоминаниям учеников и коллег Н. М. Бачинского, в 1937 г. он был арестован как немецкий шпион и туркменский националист (Хмельницкая 2011: 55–56). Факт ареста косвенно подтверждается изъятием в 1938 г. фотоснимков, на которых присутствовал Н. М. Бачинский, из фототеки ИИМК в спецхран вместе с фотографиями других репрессированных сотрудников, а также сохранившимися убийственными характеристиками, составленными на Бачинского в НКВД секретной частью ГАИМК. В них ему припомнили жизнь в Германии и квалифицировали Бачинского как «политически чуждого человека», «не вызывающего доверия» и требующего «проверки на связи с фашистами» (ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 30, 96; Ф. 35. Оп. 6. Д. 4. Л. 5). Но исследователю повезло: в момент смены руководства НКВД его дело было пересмотрено и его выпустили (Хмельницкая 2011: 55).

В послевоенные годы он занимался преподавательской деятельностью в Москве. В 1950 г. защитил докторскую диссертацию по истории искусства на тему

¹⁰ В то время он был известен как мавзолей Мухаммеда Ханапья. Именно под таким названием памятник проходит в документах ИИМК РАН, связанных с исследованиями Н. М. Бачинского

«Искусство старых зодчих Туркмении (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX–XIII вв.)» (Бачинский 1950а). Все эти годы архитектор не терял связь со своими коллегами по Академии, принимал участие в научной жизни ИИМК АН СССР, в который она была преобразована (Бачинский 1950б).

Сегодня информацию о работах талантливого архитектора в Узбекистане и Туркмении в конце 1920-х — начале 1930-х гг. приходится собирать по крупицам в архивных источниках, в то время как исследования Н. М. Бачинского были прекрасно известны и высоко ценились всеми специалистами, работавшими в те годы в Средней Азии. Отзывы известных ученых А. Ю. Якубовского, Н. Б. Бакланова, Б. П. Денике, А. П. Удаленкова, сохранившиеся в документах архива ИИМК РАН, наилучшим образом выражают общее мнение коллег о научной деятельности Н. М. Бачинского: «Все указанные работы Н. М. Бачинского могут быть признаны образцовыми как по исполнению, так и по методу, применяемому при их реставрации. Привести архитектурный памятник в порядок, восстановить его разрушенные части, удовлетворяя высоким требованиям науки, можно лишь при условии тщательного изучения не только материалов, из которых они сложены, но и приемов, на основе которых они возводились древними мастерами. <...> Особенно нужно отметить строго научное отношение к вопросам наиболее старых частей зданий, в научном отношении всегда наиболее ценных» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 25). «В процессе ремонта и реставрации Н. М. Бачинскому приходилось выступать в качестве исследователя, обладающего археологическими и архитектурными знаниями. И с этой точки зрения он был всегда на высоте стоявших перед ним задач. <...> многие бухарские уникальные памятники обязаны своей сохранностью прежде всего Н. М. Бачинскому» (Там же: л. 47).

Литература и источники

- Алёшкин 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алпаткина 2006 — Алпаткина Т. Г. «Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Б. П. Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей. М.: Государственный музей Востока, 2006. 169 с.
- Бачинский 1939 — Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад: Изд. Академии архитектуры СССР и Туркменского Гос. научно-исследовательского института истории, 1939. Вып. 1. 128 с.
- Бачинский 1950а — Бачинский Н. М. Искусство старых зодчих Туркмении (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX–XIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М.: Ин-т истории искусств АН СССР, 1950. 34 с.
- Бачинский 1950б — Бачинский Н. М. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении // КСИА. 1950. Вып. 33. С. 121–133.
- Длужневская, Кирчо 2009 — Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Длужневская Г. В., Мусин А. Е., Носов Е. Н., Тихонов И. Л. (ред.). Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 783–812.

- Длужневская 2010 — Длужневская Г. В. Мусульманский мир Российской империи. СПб.: Лики России, 2010. 304 с.
- Платонова 2018 — Платонова Н. И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Медведева М. В., Смирнов Н. Ю. (отв. ред.) и др. Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской): Сб. науч. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
- Хмельницкая 2011 — Хмельницкая В. Л. «Так сложилась наша жизнь». СПб.: Алетейя, 2011. 296 с.
- Якубовский 1940 — Якубовский А. Ю. ГАИМК–ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. 1940. Т. 6. С. 14–23.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 100. Д. 211. Д. 212; Оп. 3. Д. 43; Ф. 30. Оп. 1. Д. 87; Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815.
- НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1056; О.1228.
- ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13; Ф. 35. Оп. 6. Д. 4.

**«NEITHER BENDS NOR BREAKS...».
THE ARCHITECT NIKOLAI MIKHAILOVICH BACHINSKY
AND HIS DOCUMENTARY HERITAGE IN THE ARCHIVE
OF THE STATE ACADEMY OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N. A. LAZAREVSKAYA, M. V. MEDVEDEVA

Keywords: *N. M. Bachinsky, GAIMK, architecture, restoration, Central Asia, Scholarly Archive, handwritten and photographic documents.*

In the 1920s–1930s the State Academy of the History of Material Culture, following in steps of the Imperial Archaeological Commission, continued active works in Central Asia. By the order of the Academy, the architect Nikolai Mikhailovich Bachinsky worked in Central Asia in the 1930s, but his name is barely mentioned in publications devoted to the Academy activities, and the materials he collected were published only partly. The Scholarly Archive of IHMC RAS stores documents relating to his research activity, manuscripts of papers and unique photographs of a number of Uzbekistan and Turkmenistan monuments taken in the late 1920s–1930s (fig. 3–6). The publication of these materials will allow to introduce into the scientific discourse the works of an authoritative architect and restorer, whose activity was highly esteemed by his contemporaries.